

УДК 316.3.

БАШКИРО-ТАТАРСКИЙ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ СИМБИОЗ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИОСОФИИ

© А. Т. Бердин

*Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Гафури, 13/1.**Тел.: +7 (919) 142 51 37.**Email: azat_berdin@mail.ru*

В статье рассмотрено башкиро-татарское историческое взаимодействие через новую для историософии Башкортостана формулировку и постановку задачи: как башкиро-татарский этносоциальный симбиоз, интерпретируемый в качестве этносоциального феномена, взятого в его исторической динамике. Вкратце рассмотрены условия сложения, основные характеристики данного явления и статусно-ролевое положение составляющих этого симбиоза.

Ключевые слова: этносоциальный симбиоз, комплиментарность, традиционное общество, этнос, нация, статусно-ролевое положение, башкиры, татары, консорция.

Л. Н. Гумилев предпринял попытку типологизировать взаимодействия этносов со своей географической средой и с этносоциальными образованиями значимых Иных, в терминах современной этнологии: комплиментарное взаимодействие, симбиоз, химера, гомеостаз [1]. И если нововведения наподобие «химеры» не вызвали полного принятия наукой, то предложенная им иерархия этнологических таксонов (субэтнос, этнос, суперэтнос) оказалась вполне востребованной [2, с. 83], в отличие от терминологии Ю. В. Бромлея [3, с. 5–7]. Термин «симбиоз» также не вызывает особых возражений ученых, включая не разделяющих теорию Л. Н. Гумилева. Симбиоз в этнологии – это форма взаимопользования сосуществования именно разных народов, разных этнических систем в рамках единой суперэтнической системы (в данном случае – России – Евразии), при котором симбионты сохраняют свое своеобразие. Примером такого симбиоза Л. Н. Гумилев считал башкир и татар [4], не раскрыв при этом подробно свою точку зрения на него. Рассмотрим это явление на примере взаимоотношений башкирского и татарского народов вне дискуссионной «концепции пассионарности» философа этногенеза. На наш взгляд, этот пример действительно весьма полно удовлетворяет критериям этносоциального симбиоза. С одной стороны, самостоятельность этнической идентичности башкир и татар не оспаривается никем из серьезных исследователей. В то же время, внутри Волго-Уральской ИЭО (историко-этнографической общности по Р. Г. Кузееву) [5] башкир и татар можно считать этническим сочетанием более близкого, чем ИЭО, порядка: они связаны единой верой (ислам ханафитского мазхаба), близостью языков, общими пластами и многочисленными параллелями в культуре. Объединяет эти народы и феномен двойственной этнической идентичности населения в Северо-Западных районах Башкортостана и ранее – Восточных районах Татарстана, переданных Башкирской АССР при создании Татарской АССР (Мензелинском и Бугульминском) [4]. К сожалению, именно указанный феномен служит поводом для конфронтации в национально ориентированной публицистике как в Республике Башкортостан, так и в Республике Татарстан [6].

По нашей гипотезе, указанное обострение татаро-башкирских отношений в сфере общественного сознания при сохранении этнопсихологической комплиментарности в массах башкир и татар объясняется тем, что в результате модернизационного перехода, закономерно сопровождающегося форсированным нацистроительством, данный симбиоз перестал функционировать. При фазовом переходе к Модерну и Постмодерну этносы, его составляющие изменили свое статусно-ролевое положение, следовательно, более не выполня-

ют существовавшие в XVI–XIX вв. функции и роли в этом симбиозе. Но в эпоху, когда этот симбиоз функционировал, результаты его были весьма впечатляющи для обоих братских народов.

Так, само формирование татарской нации связано с резким подъемом мусульманского просвещения в конце XIX в. Но всплеск татарской образованности в XVIII–XIX вв. был обусловлен долгим и беспрепятственным мирным формированием и развитием этноса татар-казанлы, а в XX в. – татарского национального проекта в мир-системе России.

Башкиры в период интеграции своей политики в состав России, напротив, идентифицировались с регулярными вооруженными восстаниями, носившими масштаб войсковых операций, а в 1798–1865 гг. – со строго регламентированной военной службой в рамках Башкирского Войска. Обстановка постоянных восстаний и войн исключает режим эволюционного мирного развития – в XVII–XVIII вв. для башкир оно было только передышкой перед новыми восстаниями или походами. Выстроенная в соответствии с постоянным военным напряжением структура и характер стратификации башкирского этноса обусловили его отличие от родственного ему татарского этноса и, соответственно, их различные роли в данном этнокультурном симбиозе. Характерный пример: известному башкирскому просветителю Мифтахетдину Акмулле пришлось пройти через заключение под стражей, поскольку образ жизни просветителя был квалифицирован как уклонение от обязанностей воина Башкирского Войска [7]. У его татарских соратников по Просвещению таких проблем не могло возникнуть.

Для автономного подобно башкирам поведения татары как этносоциальный организм не располагали ни возможностями, ни навыками, ни вооружением. Из этнических предшественников будущей татарской нации таковыми обладали только немногочисленные российские этносословные группы «служилых татар» и «мишарей» – но таковые всегда обнажали оружие только за Российскую империю, а не против нее [8, с. 43–46]. Соответственно, пользуясь постоянной поддержкой и доверием государства, не претендуя на какие-либо автономные функции, помимо изначально неоспариваемой свободы веры. Исключения единичны: принявшие заметное участие в башкирских восстаниях муллы из мишарей Бахадуршах Мязгильдин (Батырша) и Канзафар Усаев, пугачевец Бахтияр Канкаев, и только подтверждают правило [9]. Вся история татар – это развитие в системе Российской государственности, как ее структурная часть, как своеобразная религиозно-этническая оппозиция, наподобие армян в Турции и Иране. Татары как этносоциальный феномен есть неотъемлемая системная часть российского общества,

соединяющая элементы диаспорной цивилизации и традиционного общества (на тех землях бывшего Казанского ханства, где формировался из утеревших статус господствующего слоя военно-административных страт бывшего ханства и тяглой «ясачной чувашки» этнос поволжских татар) [6, с. 17; 10, с. 24].

Суть статусно-ролевого положения башкир была иной: вольные общинники, хозяева своих вотчинных родовых земель, свободные от господствующего в империи и растущего закрепощения, вооруженные и в некотором роде правомочные защитники всей уммы России вплоть до Кавказских войн. Основа их мироустройства характерна для типичного традиционного общества: отгонное скотоводство с элементами кочевания, бортничество, охота, основанные на вотчинном землевладении. Элементы диаспорной цивилизации в ней отсутствуют.

Отличающуюся от них роль татар: транзитная торговля, переводчики и приказчики, муллы и сельские учителя, ремесленные кварталы и обслуживающий персонал в городах, в том числе за пределами России, при сохранении податного крестьянства на месте этнообразования – в Казанском крае. Массовые восстания – большая редкость в цивилизациях такого, диаспорного типа (армяне, евреи), – нет у них для этого сил, средств, опыта, а главное, они полностью разрушали бы систему их выживания. В борьбе за историческую субъектность они надеются либо на помощь извне (например, со стороны «мусульманских государств» и тех же башкир), либо на изменения в самой империи, повышение своего статуса в ней [11, с. 83, 94].

Башкиры же вошли в состав России как эксклюзивная для этого государства горизонтально структурированная система военизированной асабии (в терминологии П. Турчина – Ибн Хальдуна) или политики [2, с. 37, 80]. Вошли на договорных началах, предоставляющих им определенную степень автономии, и могли открыто бороться, и боролись именно против нарушения этих начал. Главными из которых были элементы автономии экономической: вотчинное право на землю, увязанное с собственной этно-социальной структурой именно башкирского этноса [11, с. 5], религиозной – право на свободное исповедание Ислама, социальной и правовой – особый, «башкирский» привилегированный статус, близкий к казачьему [12], обусловленный службой в собственных вооруженных силах, перешедших в подчинение России, и судебной – в низовых звеньях суда (шаригат) [13, с. 190].

Элементы политической автономии были таковы, что позволили, например, американскому историку говорить о «формальном» характере управления, «слабой административной власти русских в Башкирии» вплоть до «великой башкирской войны» 1735–1740 гг., а башкирские восстания XVII–XVIII вв. называть «русско-башкирскими пограничными войнами» [14, с. 55, 58, 64, 90, 219–220]. Н. Ф. Демидова отмечала, что башкиры снаряжали в Москву посольства, а в конце правления Петра I Башкирия вообще выпадала из подданства России и возвращалась под скипетр царей на основе подтверждения своих прав. [11, с. 19; 15, с. 65]. Рефлексия своего автономного положения в правосознании башкир отразилась и в периодических прецедентах разрыва своего вассалитета к России и в движении на ханство приглашенных ханов – кучумовичей, казахских и каракалпакских принцев, либо собственных претендентов: Рыс-Муххамада, султана Мурата, Хаджи-Султана, Карасакала [16]. На практике в рамках унитарного, самодержавного государства эти элементы автономии оказались возможны только на

административном уровне – в частности, в виде Башкирского Войска. Эти статусно-ролевые особенности закреплялись законодательно [13], и башкиры боролись не против Российской государственности, а именно против произвольных нарушений своего статуса в ее системе. У них были для этого возможности: быт военизированного этноса создал систему клановых ополчений и дружин, исправно служившую веками, даже при отсутствии собственной государственности (и отчасти даже благодаря этому фактору, превратившему целый народ в одно военно-служилое сословие). Мотивация была также очевидна всем членам их социума: угроза потерять права и земли. В отличие от татар, их социокультурная традиция не рассчитана на «поиск ниш» вне рамок классического традиционного общества, вне пределов своих вотчинных земель, потеря которых была почти смертельна для их этнического самосознания. Именно поэтому башкорт-тептяри быстро отатаривались. Поэтому в случаях, когда башкиры оказывались в диаспоре, они скоро уступали лидерство «тюрко-татарам»: не было и нет у них опыта адаптации как этноса в диаспоре. А у татар – был и есть.

Башкиры обладали, по законам империи, такими правами, которыми, кроме казаков, из трудящегося населения России не обладал никто, в том числе ясачные татары, государственные крестьяне, не говоря уже о крепостных и церковных [13]. С нерегулярными противниками башкиры вполне справлялись своими силами, грубо говоря, Ермак или Пугачев не представляли для них серьезной опасности. Это видно из факта, что для усмирения башкир всегда требовались значительные регулярные воинские силы, в отличие от прочих «инородческих» регионов, исключая, позже, еще Кавказ и Крым. Так, по мнению генерал-губернатора Перовского, высказанному уже в 1834 г., не только отдельные отряды, а целое Оренбургское казачье войско не в состоянии серьезно противостоять башкирам в случае конфликта [18, с. 40]. В XVII в. башкиры вели самостоятельные удачные войны с калмыками, а после ухода последних за Волгу регулярные столкновения с казаками ни разу не носили характер опасности, ставший под угрозу само мироустройство башкир [12, с. 17]. С другой стороны, поскольку башкиры вошли в правовое пространство России со второй половины XVII в., империя законодательно защищала их обусловленные права, в отличие от практики многих западных колониальных держав. Разумеется, эти права были даны башкирам не произвольной милостью монарха, а были обусловлены изначальным положением вещей и весьма сложными и почетными обязанностями: пограничной и воинской службой. Они постоянно оспаривались и функционировали потому, что тщательно отстаивались в борьбе, часто вооруженной и неравной. Но важно, что эти права и земли – были, в то время, как у татар таковых не было. Соответственно, функционировал описанный татаро-башкирский симбиоз.

Башкиры в этом симбиозе в период его активного функционирования выступали в роли, с одной стороны, силового защитника не только своих прав, но и прав всех мусульман Урало-Поволжья (башкирские восстания). Примером служит попытка христианизации народов Поволжья, когда защитили ислам в России в XVII–XVIII вв. от притеснения именно башкиры. Поскольку защита своей веры входила в борьбу за свои права и достойную жизнь, мотивировавшую их на «башкирские войны». Но помимо прямой защиты прав всех участников данного этносоциального симбиоза, регионально значимая численность и воинственность

башкир, их оригинальное правосознание и потенциальная конфликтогенность создавали немалые проблемы «центру» и делали татарскую прослойку нужной властям, и тем самым повышали ее статус в структуре империи. С другой стороны, башкиры выступали не только как этнический и конфессиональный союзник татар, но и как их территориальный и социокультурный резерв, дававший последним возможность мирной колонизации башкирских земель.

Предки татар оказались в составе России в основном в ходе завоевания, не предусматривавшего за завоеванным никакого статуса, кроме определенного законами и традициями самого завоевавшего государства. Там, где ситуация была иной, и инкорпорация произошла в результате реформирования автономии в составе Московского государства (Касимовское ханство), – иным оказалось и статусно-ролевое положение «татар» этих земель: именно население данной автономии оказалось главным источником рекрутации служилых татар и целого служилого этноса (ныне – субэтноса) мишарей. Именно мишари, переселенные в Башкирию, обладали сословными правами и обязанностями, а также, по свидетельству ряда наблюдателей, этнопсихологическими характеристиками, сближающими их с башкирами, и четко различались с этносом татар-казанлы вплоть до стадии нациестроительства XX в. [8, с. 135].

В положении казанских татар, ядра собственно татарского этногенеза, элементы автономии отсутствовали, были только особенности, носившие этнографический, и реже – дискриминационный характер. Последние исчезали по мере их встраивания в систему империи в качестве ее структурной части. Консолидация их с собственным этнонимом «татары», что Ю. В. Бромлей считал обязательным признаком этноса, из двух непресекавшихся во времена Казанского ханства этносословных страт «татар» и «ясачной чувашки», отношения между которыми напоминали отношения норманнов Вильгельма Завоевателя и англосаксов, произошла не ранее последней трети XVII в., т.е. уже в рамках Российского государства [10, с. 26]. В Башкирии татары оказались в результате переселения: либо по указу Москвы, либо добровольного, в поисках земли и защиты от угрозы этнорелигиозной дискриминации из не защищенных контролем башкирской политики земель бывшего Казанского ханства. Они стали не только проводником влияния империи, но и амортизатором в интеграции башкир в ее организм (служилые люди, муллы, переводчики, учителя, приказчики, земледельческое и торгово-ремесленное население). Все эти профессии встречались и у башкир, но именно татары составляли в них массовый, этнокультурно значимый слой, желавший мирной жизни в этой структуре. К концу XIX в., когда интеграция башкир в империю окончательно завершилась, и они лишились большинства автономных особенностей в административной, социокультурной и экономической сфере, эта положительная функция татар была исчерпана, и более не нужна, ни башкирам, ни империи, ни им самим. Наоборот, члены симбиоза превратились в конкурентов в одних и тех же «нишах». Башкиры с утратой большей части своих земель, а с 1919 г. – и вотчинного права на них, лишились юридической опоры и интереса для татарского проекта как самостоятельный актор, а с утратой традиций военно-служилого сословия и своего регионально-демографического потенциала в силу физических и идентификационных потерь за годы Гражданской войны – статус потенциального защитника и необходимого союзника. Из субъекта симбиоза

они окончательно превратились, наоборот, в объект ассимиляции, препятствие для мессианских амбиций татарских националистов.

Итак, статусно-ролевое положение татар и башкир было обусловлено структурно-таксономическим различием: башкиры представляли собой автономную подсистему в системе империи, а татары – ее жестко интегрированную структурную часть, точнее, особый религиозно-этнический слой в ее структурах. И когда это различие исчезло вместе с утратой башкирами роли подсистемы, изменилось и статусное распределение ролей в этом симбиозе, т.е. сам его характер.

В свою очередь, нарождавшийся образованный слой казанских татар, в большинстве не принимавший участия в восстаниях, а в торговой и религиозной сфере пользовавшийся определенной поддержкой государства [17, с. 183–184, 203], исключенной для представителей аналогичных профессий у башкир, имел больше возможностей для стабильного развития и сосредоточения на созидательных и духовных вопросах. Поэтому он смог внести существенный вклад в просвещение не только своего, но и башкирского, и казахского народа. Вклад настолько значительный, что о многих просветителях XIX в. принято говорить, как о деятелях татаро-башкирского Просвещения, не разделяя их этнической принадлежности. В этом смысле мусульманское Просвещение в России носило не этнический, а цивилизационный характер. Показательно, что со стабилизацией социально-политической обстановки в Башкортостане (прекращение башкирских восстаний) и упразднением военно-административной системы башкирского общества в 1865 г., ограничивавшего, как в Спарте, возможности широкого интеллектуального развития, лидерство казанских татар в области просвещения, образования и политики становилось все менее осязаемым. Так, уже со второй половины XIX в. имамы башкирского происхождения не уступали известностью, авторитетом и реформаторской активностью татарским священнослужителям (Акмулла, М. Уметбаев, З. Расулев, шейхи Курбангалиевы) [7]. Краткое доминирование татарской интеллигенции практически завершилось с формированием самостоятельного башкирского национального движения, во многом полемичного татарскому. Широко известный пример – судьба А.-З. Валиди, который получил высшее образование традиционным для башкир его поколения способом – в Казани, но еще в годы учебы почувствовал отчуждение от пан-татаристкой среды [18, с. 124]. Для самого татарского национального проекта это доминирование стало структурообразующим мифом, важным стереотипом идентичности, нарушение которого вызывает болезненную реакцию главного «конструктора идентичности» – интеллигенции. Срыв попытки гегемонии татарского проекта в поле распадавшегося татаро-башкирского симбиоза окончательно оформился с провозглашением Башкирской Республики, позже – БАССР, и созданием в их рамках башкирского национального центра науки, культуры и образования. Статусно-ролевая конкуренция между представителями татарской и башкирской бюрократии и интеллигенции была резко ослаблена, но не прекратилась и в рамках БАССР. После ликвидации Советского проекта, купировавшего эти конфликтные тенденции официальной борьбой с любой конкуренцией как цивилизационно чуждым явлением, они обострились в современной Республике Башкортостан, в формах, близких мирному трайбализму. Потому, что национальная идентичность башкир оказалась недостаточно низка для их ассимиляции в новый, татарский

национальный проект, в отличие от мишарей и тептярей. В последнем случае причина была в таксономическом различии: башкиры – давно сложившийся этнос, а мишари и тептяри – субэтноты в рамках российско-татаро-башкирского симбиоза, следовательно, более уязвимы для поглощения высшими таксонами – этносами.

Идеология татарских националистов стала развиваться по квази-имперскому сценарию, подтверждая мысль «евразийцев» о существовании общих культурных алгоритмов в Евразии. Мифологическую роль Святой Руси у татарских националистов выполняет то Булгария (М. З. Закиев), то Золотая Орда (Д. М. Исхаков), а Р. Хакимов и Д. Исхаков считают перспективным называть «татарами» и башкир, и казахов, и ногайцев, и народы Средней Азии (оставляя первенство, разумеется, за собой) [19, с. 19; 20, с. 23]. Но в данном случае националистическая мифология осложнена историческим отсутствием имперского статуса и даже гипотетических возможностей для обретения такового в обозримом будущем. И если башкирская национальная мифология не испытывает от этого обстоятельства никаких неудобств, то татаристская приобретает элементы когнитивного диссонанса [20, с. 21, 53, 133]. Претензия «татаризма» на наследие Орды [19] призвана в стиле Постмодерна именно устранить этот диссонанс. Но такая мифология по определению заводит идеологов татаризма в тупик. Поскольку, с одной стороны, подобные исторические претензии встречают конфронтационную реакцию со стороны всех тюркских этносов России и, например, Казахстана, которые также, и часто с большим основанием претендуют на символическое наследие ордынских государств. С башкирским проектом конфронтация для татаризма оказывается непримиримой в принципе. Но с другой стороны – именно тюркское единство является необходимой структурообразующей идеологемой в татарском национализме. Нацестроительство как феномен эпохи Модерна и Постмодерна характерно для стадий развития, когда разделение статусно-ролевых функций в подобных симбиозах, обусловленное естественно-природными, историческими и сословными условиями, уже не действует. Но традиции содружества башкир и татар, обозначенные в данной статье как этносоциальный симбиоз, являются структурной частью их общей исторической памяти, а также действующей составляющей национальной «высокой» и повседневной культуры. Окончательный отказ от них чреват тяжелой травмой для самой идентичности обоих народов. Но, как видим, на пути классического либерального национализма этой конфликтности не избежать: татарский и башкирский национализм, в противоположность народной традиции, изначально конкурент-

ны друг другу. Выход из этой дилеммы является насущной творческой задачей интеллектуальных элит, решение которой лежит ближе к парадигме традиционализма [21], чем национализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2013. 560 с.
2. Турчин П. В. Историческая динамика. М.: изд-во ЛКИ, 2010. 368 с.
3. Этнография. Учебник / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М.: Высш. школа, 1982. 320 с.
4. Горенбург Д. К исследованию механизма национальной принадлежности у татар и башкир в Башкортостане. Перевод статьи: Gorenburg D. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // Ethnic and Racial Studies. 1999. Vol. 22. No.3. P. 554–580. Авт. пер. И. В. Кучумова. URL: <http://people.fas.harvard.edu/~gorenbur/gorenburg%20ers1999%20russian.pdf>
5. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
6. Бердин А. Т. Джихад, которого не было. Уфа: РУНМЦ МО РБ, 2009. 84 с.
7. Шакур Р. З. Звезда поэзии. Мифтахетдин Акмулла. Жизнь. Творчество. Мирозрение. Уфа, 1996. 184 с.
8. Рахимов Р. Н. На службе у «Белого царя». М.: РИСИ, 2014. 544 с.
9. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1993. 250 с.
10. Юсупов Ю. М. «Симбиоз» или «химера»: к вопросу об интегративных отношениях в Казанском ханстве // Панорама Евразии. 2014. №1. С. 23–27.
11. Азнабаев Б. А. Возобновление Российского подданства башкир в 1722 году // Панорама Евразии. 2014. №2 (13). С. 16–23.
12. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа: Китап, 1999. 568 с.
13. Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа: Китап, 1999. 512 с.
14. Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Уфа: изд-во «Башкортостан», 1995. 287 с.
15. Таймасов С. Алдар-Кусюмовское восстание и политическое положение Башкортостана в первой трети XVIII века // Ватандаш. 2008. №8. С. 52–65.
16. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. 230 с.
17. Давлетбаев Б. С. Восстание крестьян 1835 г. // Башкирский край. Сборник статей. Вып. 4. Уфа, 1994. С. 28–42.
18. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. 1. Уфа: Китап, 1994. 400 с.
19. Исхаков Д. М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): клановая принадлежность и ее атрибуты // Этнополитические исследования в Татарстане. Казань: ИИ АНРТ, 2007. С. 18–27.
20. Лотфуллин И. М., Ислаев Ф. Г. Джихад татарского народа. Казань, 1998. 155 с.
21. Бердин А. Т. В защиту традиции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. 50 с.
22. Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа: Гилем, 2002. 300 с.

Поступила в редакцию 25.05.2015 г.

BASHKIR-TATAR ETHNO-SOCIAL SYMBIOSIS FROM THE PERSPECTIVE OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY

© A. T. Berdin

*Institute of Humanitarian Studies of the Republic of Bashkortostan
13/1 Gafuri St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 919 14 25 137.

Email: azat_berdin@mail.ru

In the article, Bashkir-Tatar historical interaction is considered via new for the historiography of Bashkortostan wording and formulation of the problem: as Bashkir Tatar ethno-social symbiosis, interpreted as ethno-social phenomenon, taken in its historical dynamics. The conditions of formation, the main characteristics of this phenomenon and status-role position components of this symbiosis are briefly discussed. According to our hypothesis, the aggravation of the Bashkir-Tatar relations in the sphere of public consciousness, apart from other factors is a consequence of the cessation of the functioning of ethno-social symbiosis in the usual format. Ethnic groups, their components have changed their status-role position both in Russia and in ethno-cultural, social and political life in General, it therefore no longer performs functions and roles in the symbiosis that have existed in 16th–19th centuries. However, in an era when this symbiosis functioning, the results were quite impressive for both brotherly peoples. Nation building as a phenomenon of Modernity and Postmodern is typical for those stages of development when the division of the status-role functions in these symbioses, due to natural, historical and social conditions, is not available. However, as you can see, in the way classical bourgeois nationalism of this conflict can not be avoided: Tatar and Bashkir nationalism, as opposed to the folk tradition, initially competitive with each other. Therefore, the way out of this dilemma is a vital creative task of the intellectual elites, the solution of which lies closer to the paradigm of traditionalism than nationalism.

Keywords: *ethno-social symbiosis, complementary nature, traditional society, ethnos, nation, status-role position, the Bashkirs, the Tatars, autonomy, the consortia.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of Earth]. Moscow: Airis-Press, 2013.
2. Turchin P. V. Istoricheskaya dinamika [Historical dynamics]. Moscow: izd-vo LKI, 2010.
3. Etnografiya. Uchebnik [Ethnography. Textbook]. Ed. Yu. V. Bromleya i G. E. Markova. Moscow: Vyssh. shkola, 1982.
4. Gorenburg D. K issledovaniyu mekhanizma natsional'noi prinadlezhnosti u tatar i bashkir v Bashkortostane. Perevod stat'i: Gorenburg D. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back. Ethnic and Racial Studies. 1999. Vol. 22. No.3. Pp. 554–580. Avt. per. I. V. Kuchumova. URL: <http://people.fas.harvard.edu/~gorenbur/gorenburg%20ers1999%20russian.pdf>
5. Kuzeev P. G. Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzglyad na istoriyu [The peoples of the Middle Volga and the Southern Urals. Ethnogenic view on history]. Moscow: Nauka, 1992.
6. Berdin A. T. Dzhikhad, kotorogo ne bylo [Jihad, which was not]. Ufa: RUNMTs MO RB, 2009.
7. Shakur R. Z. Zvezda poezii. Miftakhetdin Aknulla. Zhizn'. Tvorchestvo. Mirovozzrenie [Star of poetry. Miftakhetdin Aknulla. Life. Work. World view]. Ufa, 1996.
8. Rakhimov R. N. Na sluzhbe u «Belogo tsarya». Moscow: RISI, 2014.
9. Pis'mo Batyrshi imperatritse Elizavete Petrovne [Letter of Batyrsha to Empress Elizabeth]. Ufa: Ufimskii poligrafkombinat, 1993.
10. Yusupov Yu. M. Panorama Evrazii. 2014. No. 1. Pp. 23–27.
11. Aznabaev B. A. Panorama Evrazii. 2014. No. 2 (13). Pp. 16–23.
12. Zakony Rossiiskoi imperii o bashkirakh, misharyakh, teptyaryakh i bobylyakh. Ufa: Kitap, 1999.
13. Gvozdikova I. M. Bashkortostan nakanune i v gody Krest'yanskoi voyny pod predvoditel'stvom E. I. Pugacheva [Bashkortostan before and during the Peasant war led by E.I. Pugachev]. Ufa: Kitap, 1999.
14. Donnelli A. S. Zavoevanie Bashkirii Rossiei. 1552–1740 [The conquest of Bashkiria by Russia. 1552-1740]. Ufa: izd-vo «Bashkortostan», 1995.
15. Taimasov S. Vatandash. 2008. No. 8. Pp. 52–65.
16. Aznabaev B. A. Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.) [Integration of Bashkiria to the administrative structure of the Russian state (second half of 16th-first half of 18th centuries)]. Ufa: RIO BashGU, 2005.
17. Davletbaev B. S. Bashkirskii krai. Sbornik statei. No. 4. Ufa, 1994. Pp. 28–42.
18. Zaki Validi Togan. Vospominaniya. Kn. 1 [Memories. Vol. 1]. Ufa: Kitap, 1994.
19. Iskhakov D. M. Etnopoliticheskie issledovaniya v Tatarstane. Kazan': II ANRT, 2007. Pp. 18–27.
20. Lotfullin I. M., Islaev F. G. Dzhikhad tatarskogo naroda [Jihad of the Tatar people]. Kazan', 1998.
21. Berdin A. T. V zashchitu traditsii [In defense of tradition]. Ufa: RITs BashGU, 2007.
22. Yamaeva L. A. Musul'manskii liberalizm nachala XX veka kak obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie [Muslim liberalism of the early 20th century as a social and political movement]. Ufa: Gilem, 2002.

Received 25.05.2015.